

УДК 94(476)«04/14»

О САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Я.А. РИЕР

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматриваются основные теоретические аспекты сакрализации власти на первых этапах процесса государствообразования с точки зрения видных зарубежных и российских политантропологов. Анализируются механизмы придания правителям высшего статуса, изучается значение ритуала и устной традиции в данном процессе. Особое внимание уделяется различиям в процессе сакрализации власти правителя в языческих и христианских политических образованиях. Анализируется значение сакрализации власти на восточноевропейских, в том числе и белорусских землях на первых этапах становления государственности.

Ключевые слова: государствообразование, сакрализация, власть, общество, государственность, вождество, политантропология, белорусские земли, Великое княжество Литовское, Древнерусское государство.

Введение. В любом обществе на разных уровнях развития государственности власть наделялась сакральной силой. Это было необходимо для объяснения особого положения правителей в обществе. Поэтому правителям приписывалась особая связь с высшими силами, они часто назывались их посланниками, которые пришли к своему народу, чтобы защитить его и поспособствовать его благополучию.

Конечно, в языческих и христианских государственных образованиях на разных этапах развития были свои особенности сакрализации власти. Но вместе с тем можно выделить и некоторые общие черты.

Основная часть. На этапе вождеств главные механизмы власти были связаны с опорой на силу религии, магии, традиции, а также личные качества вождя [1, с. 41].

Известный американский антрополог Эйдан Саутхолл видел в сакрализации власти вождеств и ранних государств естественный процесс, характерный для обществ на разных, в том числе самых ранних этапах своего развития, подчеркивая первостепенную роль ритуальной фазы поддержки образа власти. Согласно его теории, простое население догосударственных обществ высоко ценило ритуальное и символическое руководство своей жизнью, рассматривая его в качестве естественной защиты. Причем данные положения были закреплены в памяти народа традицией и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Таким образом, люди добровольно совершали крупные подношения своим предводителям задолго до того, как последние проявили закономерный интерес к их взысканию или увеличению. То есть, именно монополия правителей на ритуальные санкции постепенно преобразовывалась в монополию на санкции политические [2, с. 131].

В дальнейшем для сохранения и поддержания власти вожди в различных обществах использовали несколько вариантов стратегии. Занимаясь этим вопросом, видный американский антрополог Чарльз Спенсер выделил четыре способа сохранения вождями своей власти. Примечательно, что в качестве первого пункта он указал именно сакрализацию власти, отметив далее образование союзов (часто включая брачные связи) между верховным вождем и главами общин; престижный товарообмен, а также военные действия между политиями, вынуждающие местные элиты заключать региональные союзы для более успешного их ведения [3, с. 141]. Исходя из вышесказанного, именно сакрализацию власти можно рассматривать как один из наиболее важных и успешных способов поддержки авторитета правителей на ранних стадиях процесса государствообразования.

Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что возвышает и его самого, и его род. Сакральность, в свою очередь, закрепляет право правителя на собственность, тем самым как бы освещая ее. Собственность, таким образом, начинает сопровождать и подчиняться ей, а сама сакрализация власти делает ее легитимной в глазах народа [4, с.28].

В связи с этим видится интересным проследить, каким же именно образом происходил процесс сакрализации в дальнейшем, в ходе эволюции государственности, а также проанализировать различия, существовавшие в языческих и уже христианских государственных образованиях на разных этапах их развития.

Французский политантрополог Жорж Баландь, исследуя развитие европейских государств, в частности французского, отмечал, что суверены являются по сути родственниками богов, занимая такое же положение или по крайней мере считаются их посредниками. Общность атрибутов власти и священного обнаруживает, по его мнению, издавна существовавшую между ними связь, которую история ослабляла, но никогда не разрывала. Высшая власть, связанная с королевской личностью, с ритуалами и церемониалом инвеституры, с процедурами, поддерживающими дистанцию между королем и его под-

данными, и наконец с проявлением законности, неразрывно обладала особой сакральностью. Ж. Баландье указывал на то, что именно в период становления государственных начал, в период рождения государства из догосударственного состояния, во время когда королевская власть выступала из магии и религии, лучше всего прослеживается это отношение. С помощью мифологии, рассказов, которые должны были передаваться из уст в уста, из поколения в поколение, люди получали единственное «повествование» об этих событиях и это, в свою очередь, утверждало двойную зависимость людей – от богов и королей. Священность власти утверждалась также в отношении, объединяющем подданного с сувереном: в отношении почитания или не оправдываемого разумом полного подчинения, страха перед непослушанием, которое имело характер святотатственного нарушения [5, с. 100]. Именно эти рычаги и являлись, по мнению исследователя, основными механизмами сакрализации власти.

В качестве иллюстрации ученый приводит феодальную монархию во Франции времен правления Людовика Святого. В данный период государь отождествлялся с посланником Христа, считался его наместником. Его признанием и главным назначением было разговаривать с Богом, он имел в глазах своих современников тесную связь с высшими силами. Естественно, этого добивались не только соответствующими обрядами или традициями. Для того чтобы подчеркнуть свою особую роль в государстве и на земле в целом, правители строили храмы, места соединения человека и Бога, добывали сакральные христианские реликвии, ценные в глазах своих подданных и др. Так, уже упомянутый Людовик Святой, окончив строительство легендарного Собора Парижской Богоматери, создал свою биографию, в которой он изображался потомком в качестве настоящего примера для подражания, наместником Христа, чьим призыванием было разговаривать с Богом. Кроме того, он за огромные деньги купил в столице Византии, Константинополе, терновый венец – важную христианскую реликвию, орудие страданий Господа, которая должна была подчеркнуть непрерывную связь Бога и монархии, обретенную им во время коронации [6, с. 148–149].

Конечно, нельзя недооценивать и роль культа предков в данном процессе, который представлял особую ценность именно в ранних, догосударственных образованиях (особенно, в родовых). В таких обществах культ предков или особых божеств обеспечивал в целом сакрализацию еще мало дифференцированной политической области. А вождь рода являлся единственной точкой соединения между реальным родом, основанным живыми, и родом идеализированным, носителем высших ценностей, символизировавшимся всеми предками. Ведь именно он, вождь, транслировал слово предков живым, а слово живых – предкам [5, с. 100]. И это являлось его неоспоримым достижением.

Со смертью правителя неизменно должен был наступить хаос, разрушение устоявшегося порядка. Неслучайно князя, в том числе в восточнославянской традиции, часто связывали с солнцем. Правитель воспринимался как транслятор божественного света людям, показывая тем самым неразрывную связь князя и божества, или в христианском мире – Христа, и делая его самого, по сути, сверхчеловеком или полубогом [7, с.133].

Здесь логично будет отметить, что христианские представления о богоизбранности правителя, носителя высшей власти, очень медленно разрушали прежние языческие представления. В христианском средневековом мире фигура правителя, князя, короля или императора считалась настолько священной, что противостоять ей простому смертному было не просто сложно, но практически невозможно. Но вместе с тем в раннее средневековье даже особа языческого правителя обладала сакральностью и могуществом и представлялась едва ли не недостижимой для воинов-христиан [7, с.132]. Возможно именно поэтому отдельные случаи побед над языческими правителями простыми христианами воинами из армии противника оценивались современниками как нечто невероятное и надолго входили в историю.

Но по мере проникновения христианства на восточнославянские земли и упрочения его позиций в сознании современников наблюдается особо заметное стремление правителей закрепить, в том числе и письменно, перед своими подданными и будущими потомками свое богоизбранное положение, свою сакральную власть. Огромную помощь в этом стремлении оказывают первые летописцы, являющиеся, как правило, рьяными защитниками и приверженцами новой христианской религии, а значит, особо почитающие избранного Богом князя.

Так, согласно «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, написанного между 1037 и 1050 годами, князь отождествлялся с особой силой, защищающей Русскую землю. Причем особое внимание летописец уделял именно Владимиру, первому христианскому князю, который воспринимался современниками олицетворением Господа, который являлся простому народу в его лице. И при жизни, и после смерти князь обеспечивал благополучие своего рода, своей земли и своего народа. Его молитва могла спасти от войн и болезней, помогала в спасении души. Кроме того, некоторые сакральные функции могло выполнять даже тело умершего князя [8, с. 18]. Функция сакральной защиты Русской земли прослеживалась и в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, написанной в XI и дополненной предположительно в XIV веке [8, с. 44]. Согласно источнику именно руками князя утвердилось служение Господу [8, с. 47]. А значит, необходимо всецело довериться его правлению.

Конечно, представления древнерусских летописцев XI – начала XII века еще находились в стадии формирования и были отмечены индивидуальностью книжников. Но к общим тенденциям эпохи христианства относится представление о правителе как носителе сакральной силы, дарованной ему Господом и служащей для защиты своего народа и земли [8, с. 196].

Отдельного внимания заслуживает и сакральное положение правителя в самом обществе. Ведь в процессе эволюции государства единство священного и политического привело к тому, что посягательство на власть (но не на ее обладателей) считалось святотатством и имело разные формы в зависимости от конкретного политического режима. Оно ставило «священное» на первый план в случае «безгосударственных» обществ и заставляло признать сакральную роль правителя в государственных образованиях.

Ярким примером данного положения может служить событие из древнерусской истории, описанное в летописях. Когда представители киевской общины изгнали Изяслава и посадили на его место Всеслава Чародея, они долго сомневались в легитимности своих действий, ждали возможного гнева Господня. Последующие события явились для них только доказательством преступности посягательства на власть. Изяслав повел рать на Киев, Всеслав бежал, и землю накрыла смута. После этих событий их сомнения переросли в уверенность – они посягнули на сакральную фигуру князя и теперь неминуемо будут наказаны [7, с. 360]. Подобные случаи, передаваемые современниками событий из уст в уста и записанные летописцами на память потомкам, только укрепляли такое мнение. А значит, мало кто уже осмелился бы совершить подобное святотатство.

Схожие процессы сакрализации власти были характерны и для протогосударственных образований и первых государств на белорусских землях.

Одним из первых и наиболее могущественных политий на территории современной Беларуси явилось Полоцкое княжество. Первоначально оно представляло собой вождество, возглавляемое сильными лидерами, но еще не обладавшее главными признаками раннего государства, которые проявились в нем с конца XI – начала XII века (наследственная легитимная власть, четко очерченные территории, дружина, подати и др.).

Но даже в первых политиях, таких как Полоцкое или Туровское княжество, фигура правителя наделялась особой силой. Ему зачастую приписывались магические свойства, объяснявшие его военные успехи или удачную политику. Так, можно вспомнить одного из самых могущественных правителей Полоцкого княжества – Всеслава Брючиславовича, или Всеслава Чародея. Рожденный по легенде от волхования, то есть от колдовства, он мог превращаться в волка, преодолевая за короткое время огромные расстояния, а значит – успешно вести войну с противниками и наблюдать за своими землями. Необходимо учитывать, что этот период развития белорусских земель характеризовался еще преобладанием языческих представлений, и князь не воспринимался посланником Бога. Но ему приписывались особые способности, а значит, он сам олицетворялся с полубожеством, с человеком, наделенным необычными, могущественными и возможно даже опасными силами. Это и отличало его от простого населения и обеспечивало ему высшее положение в существующем обществе. А успешные действия только подкрепляли подобные мысли современников. Именно это и способствовало сакрализации его власти.

Кроме того, в начале XII века в летописи заносится родовое предание полоцких князей, в котором подчеркивается единоличное право полоцкого рода на владение Полоцкой землей, а кроме того, указывается его генеалогическая уникальность [9, с. 159]. Таким образом, происходит дополнительное, письменное закрепление особой роли правителей данных земель, уже не просто наделенных могущественной силой, силой магии или сверхъестественных способностей по неким природным причинам, но целенаправленно и обоснованно показывается их высочайшее, сакральное положение.

Распространение христианства на восточнославянских, в том числе и на белорусских землях способствовало дальнейшему упрочнению позиции правителя, которые использовали ее в своих целях. Примечателен тот факт, что для самих правителей конкретная религия, а именно, старая, языческая, или новая, христианская, на первых этапах не играла столь существенного значения. Ее использовали как инструмент упрочнения, сакрализации власти для определенной категории населения, поэтому правители могли сами несколько раз переходить из лона одной религии в другую в зависимости от конкретных политических обстоятельств. Так, князь Великого княжества Литовского Миндовг, будучи язычником, в условиях военной угрозы заключил союз с немецкими рыцарями. В 1251 году он принял христианство и в 1253 году стал королем Литвы, чтобы заручиться поддержкой Ордена и Рима. Этот стратегический ход позволил ему находиться у власти еще десять лет, вплоть до убийства противниками [10, с. 20]. Вместе с тем, убедившись в непопулярности новой религии среди местного населения, Миндовг вновь стал язычником и приносил жертвы как языческим божествам, так и христианскому богу, а значит, находил поддержку у населения, исповедовавшего разные верования [10, с. 22]. Таким образом, духовные дела первого короля Великого княжества Литовского напрямую подчинялись его земным интересам, меняясь в зависимости от потребностей.

Неудивительно, что и многие преемники Миндовга придерживались таких же взглядов. Известный польский хронист Ян Длугош, рассказывая о смерти Кейстута, отмечал, что князь Скиргайла привез его останки в Вильно и по старой, то есть языческой, традиции сжег его останки вместе со сбруей, лошадьми и самыми верными собаками [10, с. 306]. Таким же способом был проведен в последний путь и сын Гедимины, великий князь литовский Ольгерд, которого сожгли в лесу Какивейтус, что недалеко от Вильнюса, одетого в плащ, обшитый драгоценными камнями [10, с. 306–307].

Но несмотря на это, и Кейстут, и Ольгерд, и их последователи воспринимались как сакральные фигуры, имевшие право управлять землей, защищать ее. Несмотря на многочисленные войны, имевшие место в этот период времени, в том числе и междоусобные, и борьбу за престол простой народ не посягал на власть, оставляя право борьбы, как и право управления, особым фигурам, богоизбранным, чье право было закреплено в традиции, причем не только письменной, но в первую очередь устной.

Заключение. Сакрализация власти характерна не только для единоличной монархии, христианского государства. Она наблюдалась и в более ранних, догосударственных обществах как на белорусских, так и на других восточнославянских, а также западноевропейских и многих других территориях. Конечно, везде она имела свои особенности. Но издавна в любой политике личности правителя приписывались особые силы, могущественная власть, зачастую дарованная ему божествами, для того чтобы он защищал свою землю и свое население. Подобное положение закреплялось как в устной, так и письменной традиции, подкрепляясь устрашающими примерами того, какой хаос может начаться, если посягнуть на сакральную фигуру правителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринин, Л.Е. Эпоха первичного политогенеза / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаяев // Ранние формы потестарных систем / сост.: В.А. Попов. – СПб., 2013. – С. 31–64.
2. Саутхолл, Э. О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – М. : Логос. – 2000. – С. 130–137.
3. Спенсер, Ч. Политическая экономия становления первичного государства / Ч. Спенсер // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – М. : Логос. – 2000. – С. 137–154.
4. Риер, Я.Г. Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общенсторических процессов: природная среда и социальное развитие / Я.Г. Риер. – Могилев : МГУ им.А.А.Кулешова, 2016. – 412 с.
5. Баландье, Ж. Политическая антропология / Жорж Баландье. – М. : Науч. мир, 2001. – 201 с.
6. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж.Дюби ; пер. В. Колесникова. – Смоленск : Полиграмма. – 1994. – 319 с.
7. Пузанов, В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В.В.Пузанов. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2007. – 623 с.
8. Пузанов, В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (10 – нач. 12 века) / В.В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский ун-т. – 2012. – 237 с.
9. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А.Куляшова, 2003. – 324с.
10. Косман, М. 3 гісторыі і культуры ВКЛ / М. Косман ; уклад. Г. Сагановіча ; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мінск : Медысонт, 2010. – 448 с.

Поступила 12.04.2017

ABOUT POWER SACRALIZATION IN EASTERN EUROPE IN THE MIDDLE AGES

Y. RYIER

This article deals with the main theoretical aspects of power sacralization during the first periods of state formation process from the point of view of famous foreign and Russian anthropologists. Mechanisms of gaining a specific sacral status by leaders, or rulers, are analyzed. The role of sacred rites, rituals and tradition in this process is studied. A great attention is paid to differences between the process of rulers sacralization in pagan and Christian pre-state and state formations. The role of power sacralization in East-European, including Belarusian, lands is analyzed.

Keywords: state formation, sacralization, power, society, statehood, chiefdom, political anthropology, belarusian lands, the Great Duchy of Lithuania, Old Russian State.